
Максим Поляков
Мой одинокий поход в лес
18+

Максим Поляков

Мой одинокий поход в лес

https://litres.ru/74985937
SelfPub; 2026

Аннотация

«Мой одинокий поход в лес» — атмосферная история о побеге от города, которая превращается в тревожное путешествие вглубь себя и незнакомого леса. Герой покупает билет в одну сторону, оставляет привычную жизнь и уходит с рюкзаком туда, где на карте только зелёные квадраты. Он ищет тишины, но лес отвечает гулом заброшенной вышки, чужими следами, брошенной палаткой и предупреждением на клочке бумаги: «Не идите дальше на север». Постепенно маршрут перестаёт совпадать с картой: появляется тропа, которой нет в описаниях, метки на деревьях, тёплый камень и дневник лесника, чьи записи обрываются на полуслове. Каждый день герой всё меньше понимает, что реально, а что рождено усталостью и одиночеством. Это книга о тишине, которая может успокоить — или начать слушать в ответ. Для любителей атмосферных историй о природе, изоляции и тонком ужасе. Напряжение растёт с каждой главой, а лес становится таким же героем, как и рассказчик.

Максим Поляков
Мой одинокий поход в лес

«Мой одинокий поход в лес»
Билет в одну сторону
Последний сигнал
Тропа, которой нет на карте
Первая ночь
Утро без будильника
Чужие следы
Дождь
Хижина
Дневник лесника
Тишина отвечает
Потерянный компас
Ночь у костра
Река
Выход
Возвращение

Глава 1. Билет в одну сторону

Я решил уйти в лес не потому, что ненавидел людей. Наоборот — я слишком хорошо знал, как легко они могут заполнить собой всё пространство. Телефонные звонки, встре-

чи, короткие фразы в мессенджерах, вежливые улыбки, за которыми ничего нет. Город шумел даже тогда, когда я закрывал окна. Он гудел в стенах, в трубах, в голове.

В лес я уходил не от кого-то конкретного. Я уходил от собственной жизни, которая стала похожа на длинный коридор с одинаковыми дверями. Я открывал их каждое утро и каждый раз оказывался в одной и той же комнате.

Рюкзак я собирал три вечера. На первый — выложил на пол всё, что, как мне казалось, могло понадобиться: палатку, спальник, котелок, топорик, аптечку, запас еды, фонарь, спички, карту, компас. На второй — половину убрал. На третий — добавил обратно то, без чего, по здравому размышлению, было не обойтись. В итоге рюкзак получился тяжёлым, но не безнадёжным.

На кухонном столе лежала карта района. Я купил её в маленьком магазине канцтоваров, где продавщица долго не могла найти нужный ящик. Карта была старой, с пожелтевшими краями и тонкими зелёными линиями леса. Я провёл пальцем по маршруту: от станции до деревни, потом вдоль реки, потом вглубь, к озеру. Там, судя по карте, не было ни дорог, ни посёлков — только лес и вода.

Я не собирался ставить рекорды. Мне хотелось простого: идти, пока хочется, останавливаться, когда устану, и не слышать ничего, кроме ветра.

В день отъезда я проснулся рано. За окном ещё было серо, город спал. Я выпил кофе, но вкуса не почувствовал. Надел

куртку, взял рюкзак и закрыл дверь квартиры. Ключи оставил на тумбочке в прихожей — не потому, что собирался не вернуться, а потому, что хотел хотя бы на несколько дней не чувствовать их веса в кармане.

На вокзале было пусто. Несколько человек сонно смотрели в телефоны, женщина в красном пальто ела пирожок, уборщица медленно водила шваброй по плитке. Я купил билет до станции с названием, которое никогда раньше не слышал. Кассирша спросила:

— Туда и обратно?

— Только туда, — сказал я.

Она посмотрела на меня поверх очков, но ничего не сказала. Наверное, таких, как я, у неё было много. Или, наоборот, ни одного.

Поезд пришёл через двадцать минут. Я сел у окна, поставил рюкзак между ног и прижался лбом к холодному стеклу. За окном поплыли дома, потом гаражи, потом пустыри, потом поле. Чем дальше, тем меньше становилось людей. Город заканчивался не сразу — он цеплялся за горизонт складами, заправками, рекламными щитами. Но постепенно и они исчезли.

Я достал карту и ещё раз проверил маршрут. Всё сходилось. Станция, деревня, мост, лес.

В вагоне было тепло. Я закрыл глаза и попытался представить, как будет там. В лесу. Один. Без сети, без новостей, без необходимости отвечать на сообщения. Представил тишину

— и она показалась мне не пустой, а густой, как вода. В такой тишине можно утонуть.

Через два часа поезд остановился на маленькой станции. Я вышел на платформу, и первое, что почувствовал, — запах. Не городской, не бензиновый, а сырой, травяной, с примесью дыма. Где-то топили печь.

Станция была крошечной: деревянное здание с выцветшей табличкой, скамейка, фонарь, который днём казался лишним. Кроме меня, вышли ещё двое — старик с сумкой и женщина с ребёнком. Они быстро ушли в сторону деревни. Я остался один.

Надел рюкзак, поправил лямки и пошёл по грунтовой дороге. Она вела между полем и редкими деревьями. Солнце уже поднялось, но грело слабо. Воздух был свежим, почти резким. Я шёл медленно, привыкая к весу за спиной и к непривычной тишине.

Деревня показалась через полчаса. Пять или шесть домов, колодец, собака, которая поленилась даже поднять голову. Я прошёл мимо. Никто не вышел, никто не спросил, куда я иду. И это было хорошо.

За деревней начинался лес. Сначала он был редким, светлым, с молодыми берёзами и кустами. Потом деревья стали выше, стволы — толще, и тропа сузилась. Я остановился у входа, будто перед дверью.

Впереди была тень. Не страшная, нет. Просто тень. Я поправил рюкзак, сделал шаг, потом ещё один. И лес сомкнул-

ся за мной.

Первые полчаса я шёл по тропе, которая была отмечена на карте. Она петляла между соснами, иногда выходила на поляны, заросшие высокой травой. Я старался запоминать ориентиры: поваленное дерево, большой камень, развилку. Но в лесу всё быстро становилось похожим одно на другое. Камень, дерево, поляна — и снова камень, дерево, поляна.

Я не боялся заблудиться. У меня была карта, компас, запас еды и воды. Но где-то на дне сознания шевелилась мысль: а что, если я не найду то, за чем шёл? Что, если тишина не успокоит, а, наоборот, покажет мне что-то, от чего я убегал?

Я остановился, снял рюкзак и сел на поваленное дерево. Достал бутылку с водой, сделал несколько глотков. Вокруг было тихо. Не просто тихо — ни звука. Даже птицы молчали. Я прислушался. Ветки не шевелились, трава не шуршала. Только моё дыхание и стук крови в ушах.

И тогда я понял, что это не тишина. Это ожидание.

Лес будто ждал, что я сделаю дальше.

Я убрал бутылку, встал, снова надел рюкзак. До вечера нужно было найти место для стоянки. По карте впереди был ручей. Я решил идти к нему.

Тропа становилась всё уже. Иногда приходилось перешагивать через корни, пробираться под низкими ветками. Я шёл, не торопясь, но и не останавливаясь. Часа через полтора услышал воду.

Ручей оказался небольшим, но чистым. Вода шла по кам-

ням, обходя их с тихим журчанием. Я выбрал место на небольшой поляне, где было достаточно сухо. Сбросил рюкзак, сел на землю и выдохнул.

Вот и всё. Я здесь.

Первый день в лесу закончился рано. Солнце ушло за деревья, и сразу стало прохладно. Я поставил палатку, собрал немного хвороста и развёл костёр. Огонь занялся не сразу, но потом вспыхнул ровно и весело. Я поужинал консервами и хлебом, запил чаем. Вкус был простым, но почему-то казался лучше любой ресторанной еды.

Когда стемнело, я сидел у костра и смотрел на огонь. Вокруг был лес. Чёрный, густой, незнакомый. Он не был враждебным, но и не был дружелюбным. Он просто был.

Я достал телефон. Сети не было. Одна палка сигнала пропала ещё у деревни. Я выключил его и убрал в рюкзак. На душе стало легче, будто я снял с себя что-то тяжёлое.

Перед сном я вышел к ручью. Небо было ясным, звёзды — крупными и близкими. В городе я никогда не видел столько звёзд. Я стоял и смотрел вверх, пока не замёрз. Потом вернулся к костру, залил его водой и залез в палатку.

В спальнике было тепло. Я лежал и слушал. Где-то треснула ветка. Потом ещё раз. Потом всё стихло.

Я закрыл глаза.

В ту первую ночь мне ничего не снилось. И это было лучшее, что случилось со мной за последний год.

Глава 2. Последний сигнал

Проснулся я от холода. Палатка за ночь выстыла, спальник отсырел у края, и я долго лежал, не открывая глаз, пытаясь понять, где нахожусь. Потом вспомнил — и это было странное чувство: не радость, не страх, а тихое удивление. Я действительно здесь. Один.

Вылез наружу. Утро было серым, туманным, лес стоял в дымке, и деревья казались нарисованными. Ручей шумел громче, чем вечером. Пахло мокрой землёй и хвоей. Я развёл костёр, вскипятил воду, выпил чай с сухарями. Потом достал телефон — проверить время.

Экран не загорелся.

Я нажал кнопку ещё раз, потом ещё. Ничего. Телефон был мёртв. Не просто разряжен — он не реагировал даже на зарядку от повербанка, который я достал из рюкзака. Повербанк был полон, кабель исправен, но телефон молчал. Я покрутил его в руках, будто это могло помочь. Потом убрал обратно.

«Ладно, — сказал я вслух. — Значит, так и надо».

Голос прозвучал глухо, будто его съел мох. Я никогда не разговаривал сам с собой, но здесь это казалось естественным. Лес не отвечал, но и не мешал.

Я собрал лагерь, затушил костёр, проверил, не оставил ли мусора. Рюкзак сел на плечи тяжелее, чем вчера. Или это усталость давала о себе знать. По карте я должен был идти вдоль ручья на север, потом свернуть на запад, к озеру. Дорога была неблизкой, но я не торопился.

Первые километры дались легко. Тропа шла по берегу, иногда пропадала в траве, но ручей был надёжным ориентиром. Я шёл и смотрел по сторонам. Лес был красивым — по-настоящему, без городской подделки. Высокие сосны, бархатный мох, папоротники, которые разворачивались, как зелёные пружины. Где-то стучал дятел. Я остановился послушать, и стук сразу прекратился. Подождал — снова застучал, дальше и глуше.

Часа через два ручей стал шире, берега заболотились. Я обходил топкие места, прыгал с кочки на кочку, один раз провалился по колено. Вода залилась в ботинок, холодная, как из колодца. Пришлось остановиться, вылить воду, выжать носок. Пока возился, заметил на земле след.

Не свой. Чужой.

Отпечаток был старый, размытый дождём, но форма читалась: тяжёлый ботинок, большой размер. Рядом — второй, третий. Цепочка следов уходила в сторону от ручья, в лес.

Я выпрямился и огляделся. Вокруг никого. Только деревья и тишина.

«Мало ли, — подумал я. — Грибники. Или охотники. Или кто-то вроде меня».

Но что-то царапнуло. Следы были не свежие, но и не очень старые — может, дня два-три. И шли они не по тропе, а поперёк, будто человек целенаправленно уходил вглубь, туда, где на карте не было ничего.

Я достал карту, развернул. На месте, куда вели следы, сто-

яла только зелёная заливка — лес, лес и ещё раз лес. Ни дорог, ни избушек, ни даже ручьёв. Пустое место.

Можно было плюнуть и идти дальше. Я так и сделал. Но мысль засела: кто-то был здесь до меня. Кто-то шёл этой же дорогой, только свернул раньше.

К обеду я вышел к развилке. Ручей уходил вправо, а прямо начинался сухой бор, светлый и ровный. По карте мне нужно было вправо. Я сел перекусить, достал хлеб и сыр. И тут услышал.

Сначала я подумал, что показалось. Звук был слабый, на грани слышимости — низкий, протяжный, будто где-то далеко гудел провод. Я замер с бутербродом в руке. Звук повторился. Потом ещё раз. Он шёл не от ручья, а из бора — оттуда, где не было ни дорог, ни людей.

Я прислушался. Гул был ровный, без пауз, и в нём не было ничего природного. Не ветер, не вода, не птица. Что-то механическое. Или электрическое.

В голове сразу сложилась картинка: где-то там, в лесу, стоит вышка. Или генератор. Или что-то ещё, чему здесь не место.

Я дожевал бутерброд, запил водой и встал. Нужно было решать: идти по карте дальше, к озеру, или свернуть и проверить, что там гудит. Здравый смысл говорил — иди куда шёл. Любопытство тянуло в другую сторону.

Я выбрал второе. Не потому, что был смелым. Скорее наоборот — я испугался. Испугался, что если уйду, то весь

оставшийся поход буду думать об этом звуке. А я шёл в лес как раз за тем, чтобы не думать о лишнем.

Свернул в бор. Идти стало легче: деревья стояли редко, подлеска почти не было, земля пружинила под ногами. Гул усилился. Теперь он был отчётливым, низким, с металлическим призвуком. Я шёл на него, как на маяк.

Через полчаса лес поредел, и я вышел на поляну.

Посреди поляны стояла вышка. Не высокая, метров десять, из стальных уголков, с антенной наверху. У её основания — небольшой железный ящик, обмотанный проводами, и аккумулятор. Всё это было старым, ржавым, но работало: из ящика тянулся тонкий писк, а на панели мигал зелёный огонёк.

Рядом с вышкой я увидел палатку. Точнее, то, что от неё осталось: порванная ткань, погнутые дуги. Ветром, что ли, снесло? Или кто-то бросил.

Я подошёл ближе. У палатки лежал рюкзак — старый, выцветший, с оторванной лямкой. Молния была расстёгнута, внутри пусто. Рядом валялась кружка, ложка, пустая банка из-под тушёнки. И бумажка, прижатая камнем к земле. Я поднял её.

Это была страница из блокнота, вырванная, мятая. На ней шариковой ручкой было написано:

«Если кто-то это читает — не идите дальше на север. Там что-то есть. Я не знаю что. Оно не любит, когда его слушают. Уходите. Пожалуйста».

Почерк был торопливый, буквы скакали. Внизу стояла дата — три недели назад. И подпись: «С.».

Я стоял и смотрел на бумажку. Ветер шевелил её край. Вышка гудела. Палатка валялась, как брошенное тело.

Потом я услышал шаги. Не свои.

Они были за спиной, метрах в двадцати, в лесу. Медленные, тяжёлые, хрустящие ветками. Я обернулся.

Никого.

Шаги стихли.

Я сглотнул. В горле пересохло. Аккуратно сложил бумажку, сунул в карман. Потом поднял рюкзак, поправил лямки и, не оглядываясь, пошёл обратно к ручью. Быстро, почти бегом. Ветки хлестали по лицу, но я не замечал.

До вечера я не останавливался. Шёл по карте, к озеру, как и планировал. Только теперь я всё время прислушивался. И всё время мне казалось, что за мной кто-то идёт. Не догоняет, не отстаёт. Просто идёт.

Когда стало темнеть, я выбрал место для стоянки на берегу. Поставил палатку, развёл костёр. Сидел у огня и смотрел в темноту. Она была плотной, как стена.

Перед сном я достал бумажку и перечитал. «Оно не любит, когда его слушают». Что за чушь? Я же взрослый человек. Я не верю в лесных духов, в леших, в барабашек. Но шаги я слышал. И палатка была не ветром снесена — слишком ровно, будто её распороли ножом.

Я засунул бумажку обратно в карман и лёг в палатку.

Спальник был холодным. Я долго не мог согреться. Слушал. В лесу было тихо. Слишком тихо. Даже сверчки не трещали.

И тогда, уже засыпая, я понял: это не тишина. Это кто-то затаился.

Глава 3. Тропа, которой нет на карте

Ночь прошла без сна. Я лежал в спальнике, сжавшись в комок, и слушал. Лес не спал вместе со мной. Он потрескивал, поскрипывал, шуршал — но всё это были обычные звуки, которые днём я бы не заметил. А может, и не обычные. Я уже не понимал разницы.

Один раз, ближе к утру, мне показалось, что кто-то стоит у палатки. Я слышал дыхание — тяжёлое, с хрипотцой, будто зверь принюхивался к ткани. Я не шевелился. Дышал через раз. Дыхание с той стороны стихло, потом раздались шаги — удаляющиеся, спокойные, без спешки. Я лежал до рассвета, боясь пошевелиться.

Когда серый свет просочился сквозь ткань, я вылез наружу. У палатки на мокрой земле был след. Один. Не человеческий.

Я смотрел на него минуту, наверное. Отпечаток был крупный, с широкой пяткой и четырьмя длинными пальцами — длиннее, чем должно быть у любого зверя, которого я знал. Медвежий? Медведь ставит лапу иначе, и когти у него другие. Волчий? Слишком большой. И главное — след был один. Животное не ходит на одной ноге.

Я достал телефон по привычке — снять, — но он был

мёртв. Тогда я просто запомнил. Или попытался. Потому что уже через несколько шагов в памяти от следа осталось только смутное ощущение неправильности.

Собрался быстро. Кофе пить не стал — не хотелось задерживаться. Сунул в карман бумажку «С.», проверил компас и пошёл по карте вдоль ручья, на запад, к озеру. До озера оставалось километров восемь, не больше. К вечеру я должен был быть там.

Но через час тропа кончилась.

Не то чтобы она пропала — она просто перестала быть тропой. Берег ручья стал топким, заросшим осокой и каким-то колючим кустарником, и идти по нему было невозможно. Я отошёл в сторону, в лес, и попытался обойти. Лес был густой, низкий, с поваленными стволами и буреломом. Я пробирался через него медленно, обходя завалы, и в какой-то момент понял, что ручей остался где-то слева и больше не слышен.

Я остановился. Достал компас. Стрелка дрожала и показывала на север — туда, куда мне и нужно было. Я сверился с картой. По моим расчётам, до озера оставалось ещё порядочно, но прямой путь был перекрыт болотом, которое на карте было отмечено бледно-голубым пятном. Значит, надо было обходить — либо справа, либо слева. Слева был ручей, справа — незнакомый лес.

Я выбрал правый обход. Не потому, что так было лучше. Просто не хотел возвращаться к ручью.

Лес здесь был другим. Тише. Сосны стояли ровно, как колонны, и между ними было много пространства — но это пространство не успокаивало, а настораживало. Как в пустой комнате, где только что кто-то был. Я шёл и всё время оглядывался. Ничего. Только стволы, мох, редкие пятна света.

И тут я увидел тропу.

Она появилась внезапно, будто кто-то раздвинул кусты и выпустил её навстречу. Узкая, утоптанная, с ровными краями. Не звериная — звериные тропы петляют и расползаются. Эта шла прямо, уверенно, как будто её протоптали сотни ног.

Я достал карту. На этом месте не было ничего. Ни тропы, ни дороги, ни даже пунктира. Пустой зелёный квадрат.

«Может, карта старая, — подумал я. — Может, тут лесники ходят или грибники».

Но тропа была слишком ухоженной для грибников. Её не просто вытоптали — её расчистили. По краям были срезаны ветки, убраны камни, а в одном месте через ручей был перекинут аккуратный мостик из двух брёвен, связанных проволокой.

Я стоял перед мостиком и думал. Вернуться к болоту и обходить по-другому — значит потерять полдня. Пойти по тропе — значит довериться чему-то, чего нет на карте.

Я выбрал тропу. Мне казалось, что это разумно: если её протоптали, она куда-то ведёт. А всё, что ведёт, рано или поздно выводит к людям.

Тропа шла ровно, почти без подъёмов. Через полчаса я заметил, что иду слишком легко. Рюкзак не давил на плечи, ноги не уставали. Будто сама земля помогала мне идти. Я даже поймал себя на мысли, что поход — это, оказывается, приятно. Хорошая мысль. Тёплая.

Потом я увидел метки.

На стволах сосен, вдоль тропы, на уровне глаз, были вырезаны знаки. Не буквы — символы. Круг с точкой внутри. Треугольник, перечёркнутый линией. Что-то вроде волнистой черты, похожей на воду. Они повторялись через каждые пятьдесят-сто шагов, и с каждым разом я чувствовал себя всё неуютнее. Это была не случайность. Это была система.

Я остановился у одного из знаков — круга с точкой — и провёл по нему пальцем. Срез был свежий. Смола ещё не застыла до конца. Кто-то вырезал это недавно. Может, вчера. Может, сегодня утром.

В кармане лежала бумажка «С.». «Не идите дальше на север. Там что-то есть». Я шёл не на север. Я шёл на запад, по тропе, которой не было на карте. И всё-таки внутри что-то сжималось.

Я достал компас, чтобы проверить направление. Стрелка крутилась. Медленно, лениво, но крутилась — не показывала на север, а плавала где-то между востоком и югом. Я постучал по стеклу. Стрелка успокоилась, замерла. Север. Всё в порядке.

Но я уже не был уверен.

Тропа вывела меня на поляну. Небольшую, ровную, окружённую высокими соснами. В центре стоял пень, а на пне лежал камень. Плоский, гладкий, явно принесённый сюда человеком. На камне были вырезаны те же знаки, что и на деревьях, только больше и аккуратнее. А рядом, у подножия пня, лежали вещи.

Рюкзак. Тот самый, старый, выцветший, с оторванной лямкой. Я узнал бы его где угодно.

Я подошёл ближе. Рюкзак был пуст, как и в прошлый раз. Рядом — ботинок. Один. Второго не было. И ещё — свёрток из клеёнки, перевязанный шнурком. Я развязал его.

Внутри был блокнот. Тот самый, из которого «С.» вырвал страницу. Обложка была потрёпана, страницы намокли и слиплись, но читать было можно.

Я открыл его на первой странице.

«День первый. Вышка гудит. Я не знаю, зачем я здесь. Наверное, потому что больше некуда».

Я перелистнул.

«День третий. Нашёл тропу. Её нет на карте. Метки на деревьях. Кто-то их оставил. Мне кажется, они означают: „здесь можно“. Или „здесь нельзя“. Я не понимаю».

«День пятый. Я слышу шаги. Они всегда за спиной. Я оборачиваюсь — никого. Я перестал оборачиваться».

«День седьмой. Я нашёл поляну с камнем. Камень тёплый. Он всегда тёплый, даже ночью. Я положил на него руку и почувствовал, что кто-то держит меня за плечо. Никого не

было. Но рука была».

«День девятый. Я не могу уйти. Тропа заводит меня обратно. Я пробовал идти напрямик — вышел к камню. Я пробовал по компасу — компас врёт. Я пробовал по солнцу — солнце здесь не там, где должно быть».

«День десятый. Оно не любит, когда его слушают. Я слушал слишком долго. Теперь оно слушает меня».

Последняя страница была почти пустой. Внизу, у самого края, кривым почерком:

«Я оставляю это тому, кто придёт. Не берите камень. Не смотрите на знаки. Уходите, пока тропа ещё вас отпускает».

Я закрыл блокнот. Руки дрожали. Я огляделся — поляна была пуста, сосны стояли тихо, и камень на пне лежал, как алтарь.

И тут я понял, что стою слишком близко. Моя рука была вытянута. Пальцы почти касались камня.

Я не помнил, как подошёл.

Я отшатнулся, отступил на шаг, потом ещё на шаг. Сердце колотилось. Я сунул блокнот в рюкзак, развернулся и пошёл обратно по тропе — быстро, почти бегом. Тропа была всё той же, ровной и утоптанной, но теперь она казалась мне не дорогой, а коридором. Стены были невидимыми, но я их чувствовал.

Я шёл минут двадцать, пока не упёрся в развилку. Тропа расходилась в две стороны. Налево — туда, откуда я пришёл. Направо — вглубь леса, в неизвестность.

Я достал компас. Стрелка снова крутилась. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается что-то холодное и тяжёлое. Не страх. Хуже. Уверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.